

ЧУДО
МЕЛКИМ
ШРИФТОМ

The background of the poster is a vibrant, futuristic cityscape at night. The skyline is filled with tall, illuminated skyscrapers in shades of blue, purple, and pink. A small, glowing aircraft is visible in the sky. In the foreground, a woman with dark hair, wearing a white blazer over a black turtleneck, holds a black folder. Next to her stands a man with dark, curly hair and a beard, wearing a dark suit. They are both looking off to the side. The ground they are standing on is wet and reflects the city lights. A classic street lamp is visible on the left.

ЯНА АВЕРЬЯНОВА

Ян Аверьянов

Чудо мелким шрифтом

<https://litres.ru/74366218>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где сверхспособности можно купить, они давно стали обычным бизнесом.

Мира работает с теми, кто пожалел о своём выборе и хочет избавиться от полученной силы. Но однажды ей попадаетея случай, который не укладывается ни в один договор и заставляет усомниться в том, как на самом деле устроен рынок способностей.

А ещё рядом появляется человек, которому она совсем не собиралась доверять.

«Чудо мелким шрифтом» – фантастическая история о цене желаний, опасных секретах и людях, которые слишком поздно начинают читать условия договора.

Ян Аверьянов

Чудо мелким шрифтом

Глава 1 – Берт

– Он меня презирает.

Мира подняла глаза от заявления.

Женщина напротив сидела прямо, обеими руками сжимая ремешок сумки. На вид ей было лет сорок пять, на самом деле – пятьдесят восемь, если верить карточке клиента. В графе «тип индивидуальной модификации» значилось: межвидовая семантическая интерпретация, бытовая категория Б-3. Цена процедуры – сорок две тысячи крон. Статус кредита – погашен досрочно.

В графе «предмет претензии» женщина написала крупными буквами: «НЕВОЗМОЖНО СОВМЕСТНОЕ ПРОЖИВАНИЕ».

– Кто? – спросила Мира, хотя уже знала ответ.

– Берт.

– Ваш муж?

– Кот.

Мира посмотрела на строку «семейное положение»: разведена.

– Хорошо. Что именно произошло с Бертом?

– Ничего с ним не произошло. Вот в этом и проблема. Это всё он. Всегда был он.

Женщина наклонилась к столу.

– Вы понимаете, я прожила с ним девять лет. Девять. Я думала, он меня любит. Он спал у меня на груди, когда я болела. Встречал у двери. Орал, если я задерживалась. Я ради него отказалась от поездки в Кандер, потому что он плохо переносит гостиницы для животных. А теперь я знаю, что он всё это время называл меня «большой тёплой дурой».

Слева от Миры кашлянула стажёрка. Мира не повернула головы.

– Это дословный перевод?

– Управление сертифицировало мою способность. Я понимаю намерение, эмоциональную окраску и смысл. Хотите ещё? Когда он садится ко мне на колени, он думает: «Уступи место, тёплая». Когда я открываю ему банку за четыре кроны, он говорит: «Наконец-то персонал разобрался». А вчера, – женщина задышала чаще, – вчера я спросила, скучает ли он, когда меня нет. Он ответил: «В доме тише».

Стажёрка сделала вид, что записывает что-то в блокнот.

Мира открыла договор.

– Госпожа Вайсен, ваша модификация работает в пределах заявленной спецификации. Вы понимаете смысл звуковых и поведенческих сигналов животных, с которыми находитесь в непосредственном контакте. Претензия касается содержания получаемой информации, а оно не регулируется

УИС.

– Вы хотите сказать, что я заплатила сорок две тысячи, чтобы узнать, что мой кот – сволочь?

– Я хочу сказать, что его характер не является техническим дефектом процедуры.

– Прекрасно. Тогда я хочу вернуть способность.

– Это невозможно.

– Я знаю, что написано в договоре.

– Тогда вы знаете и про необратимость.

– Я хочу услышать это от живого человека.

Мира закрыла папку.

– Вернуть способность нельзя.

Женщина кивнула, будто Мира подтвердила диагноз.

– А реверс?

– Что с ним?

– В договоре сказано, что компенсационная реакция может проявиться в течение девяноста дней. Прошло два месяца. Пока ничего.

Мира перелистнула страницу с медицинской отметкой.

– Возможно, реакция слабая.

– Берт начал смотреть на меня странно.

– Коты часто так смотрят.

– Нет. Именно после процедуры. Иногда я думаю что-нибудь, а он отвечает.

Мира перестала листать.

– В каком смысле отвечает?

– В прямом. Сегодня утром я подумала: «Надо купить туалетную бумагу». Он из коридора сказал: «И корм. Не забудь корм».

Стажёрка всё-таки подняла голову.

– Госпожа Вайсен, – медленно произнесла Мира, – вы проходили контрольную диагностику после активации?

– Я записана на четверг. Вы ведь не хотите сказать, что он слышит мои мысли?

– Я пока ничего не хочу сказать.

– А если слышит?

Мира посмотрела на неё. Госпожа Вайсен побледнела ещё до ответа.

– Тогда до четверга постарайтесь не думать при нём ничего такого, что может осложнить ваши отношения.

– Мы вчера были у ветеринара.

– И?

– Я думала о кастрации.

Из коридора донёсся электронный голос: «Талон А-118, окно семь».

Женщина медленно встала.

– Он сегодня не вышел из шкафа.

– Возможно, совпадение.

– Вы сами в это верите?

Мира взяла печать.

– Я работаю в отделе претензий, госпожа Вайсен. Здесь очень быстро проходит привычка верить в совпадения.

Она поставила на заявлении отметку «на дополнительную диагностику» и протянула лист женщине.

Когда дверь закрылась, стажёрка продержалась четыре секунды.

– Тёплая дура?

– Если засмеёшься при клиенте, пойдёшь объяснять человеку с пирокinezом, почему страховка не покрывает кухонные занавески.

– Я не смеюсь.

– У тебя плечи трясутся.

– Я сочувствую.

– Конечно.

Мира открыла следующую карточку. В очереди было ещё двенадцать человек: мужчина, который после покупки абсолютного чувства направления потерял способность пользоваться картами; девушка с голосом, способным успокаивать панические атаки, но вызывающим икоту у неё самой; семейная пара с совместной жалобой на одну и ту же модификацию, хотя по закону делиться способностью было нельзя.

Обычный вторник.

На стекле окна висела реклама нового государственного кредита:

«ВАША ВОЗМОЖНОСТЬ НЕ ДОЛЖНА ЖДАТЬ. СТАВКА ОТ 3,9 %. ОДНА ЖИЗНЬ – ОДИН ДАР».

Мира терпеть не могла последнюю строчку. Маркетологи считали её вдохновляющей. Ей она всегда слышалась угро-

зой.

К обеду она отказала в возврате денег четырём людям, отправила троих на медицинскую комиссию и один раз позволила в службу внутренней безопасности, когда посетитель заявил, что способность воспламенять бумагу – это «вопрос принципа» и положил ладонь на стопку бланков.

Самым долгим оказался мужчина по фамилии Раль, купивший абсолютное чувство направления. Его карточка выглядела идеально: способность определяла стороны света, кратчайший путь и собственное положение с точностью до нескольких сантиметров. Реверс обнаружился через неделю – любой искусственно нарисованный маршрут вызывал у него физическую тошноту.

– Я работаю курьером, – сказал он.

– До процедуры?

– И после. Я для работы и брал.

– Вам больше не нужен навигатор.

– Мне нужен список адресов. Приложение рисует линию.

От линии меня тошнит.

– Отключите визуальный маршрут.

– Тогда оно сортирует остановки автоматически. А моя способность считает порядок неправильным и меня тянет идти по своему кратчайшему пути.

– Разве это плохо?

– Если везёшь одну посылку – нет. Если сорок, мой кратчайший путь не совпадает с маршрутом склада. Я вчера при-

ехал к клиенту раньше, чем посылку загрузили в машину.

Мира открыла раздел трудовой адаптации.

– Есть программа перенастройки рабочего интерфейса.

– За мой счёт?

– Частично субсидируется.

– Я заплатил двадцать девять тысяч, чтобы государство теперь субсидировало мне список без стрелочек?

– Если сформулировать так, звучит плохо.

– А как сформулировать хорошо?

Мира задумалась.

– Я работаю в претензиях, господин Раль. Хорошие формулировки этажом выше.

Он фыркнул и всё-таки подписал заявку на адаптацию.

Следующей пришла семейная пара. Муж держал жену за руку так крепко, что Мира сначала решила: поддерживает. Потом выяснилось, что они боятся отпустить друг друга.

Женщина купила способность мгновенно охлаждать любой небольшой предмет прикосновением. Для работы кондитером: крем, шоколад, украшения, формы. Реверс был терпимым – после каждой активации её собственная ладонь нагревалась. Проблема появилась через месяц, когда муж случайно обнаружил, что при касании способен забирать этот избыток тепла себе.

– Это заимствование? – спросил он.

– Если вы сознательно используете компенсационную реакцию супруги для получения эффекта – возможно.

– Какого эффекта? Я просто держу жену за руку.

– У вас становится теплее.

– Я всегда становлюсь теплее, когда держу жену за руку.
Женщина закрыла лицо ладонью.

– Я говорила, не шути здесь.

– Я не шучу. Это романтика.

Мира позвала специалиста по лицензированию. Тот пятнадцать минут выяснял, считается ли передача избытка температуры «использованием модификационного продукта третьим лицом». В конце выдал временное заключение: супругам разрешено держаться за руки в бытовых целях, но запрещено использовать эффект для обогрева помещений, приготовления еды и коммерческих услуг.

– То есть спать вместе можно? – спросил мужчина.

– Да.

– А если зимой?

Специалист посмотрел на Миру.

Мира посмотрела на часы.

– Только не выставляйте счёт за отопление.

После их ухода стажёрка сказала:

– Я думала, суперспособности должны делать жизнь проще.

– Делают.

– Это была ирония?

– Нет. Раньше у них была просто семейная проблема. Теперь семейная проблема юридически классифицирована.

В два часа пришло сообщение от Тео.

Точнее, старое сообщение оказалось наверху списка, потому что Мира открыла их переписку.

«Ты сегодня ешь как человек или опять кофе считается супом?»

Он отправил его вчера вечером. Она ответила фотографией бутерброда и словом «овощи», хотя на фото овощей не было.

С тех пор – ничего.

Это не было странным. Тео мог исчезнуть на сутки, особенно когда работал с тендерной документацией. Он называл свою должность «профессиональный свидетель чужого вранья», хотя официальное название занимало почти две строки.

Мира написала:

«Ты жив?»

Через полчаса сообщение осталось непрочитанным.

В половине четвёртого ей позвонила мать.

– Ты Тео видела?

– В воскресенье.

– Он обещал приехать за коробками.

– Мам, ему двадцать семь. Если человек не приехал за коробками, это ещё не пропаша.

– Я звонила ему восемь раз.

– Поэтому он и не берёт.

– Очень смешно.

Мира потеряла переносицу.

– Я напишу ему.

– Напиши, чтобы перезвонил мне.

– Хорошо.

– И ты сама мне перезвони.

– Если он перезвонит тебе, зачем мне...

– Мира.

– Ладно.

В пять часов она вышла из здания УИС через служебный вход. Было душно, хотя сентябрь уже перевалил за середину. На площади напротив управления подростки фотографировались возле бронзовой скульптуры первой официально модифицированной гражданки Эйдоры. Скульптор изобразил её с вытянутой рукой, словно она собиралась либо поднять страну в будущее, либо поймать автобус.

Мира достала телефон.

У Тео по-прежнему не было отметки о прочтении.

Она позвонила.

«Абонент временно недоступен».

На парковке её ждал мужчина в сером пиджаке. Лет сорок, короткие волосы, слишком официальный вид для человека, который просто оказался рядом со служебным выходом.

– Мира Рен?

– Да.

Он показал удостоверение.

Государственное бюро контроля модификаций.

Мира посмотрела на фотографию, имя, голограмму, потом снова на его лицо.

– Что случилось?

– Мне нужно задать вам несколько вопросов о вашем брате.

– Тео что-то сделал?

Мужчина убрал удостоверение.

– На данный момент мы не знаем, где он.

Мира ещё секунду держала телефон у лица, хотя вызов уже закончился.

– Что значит «не знаем»?

– Он исчез сегодня ночью.